

УДК 37.017

ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЕ ПРЕДАНИЯ О КРЕЩЕНИИ РУСИ КАК ИСТОЧНИК НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

А.В.Моторин

STATE-FORMING LEGENDS ABOUT THE BAPTISM OF RUS' AS A SOURCE FOR PUBLIC EDUCATION

A.V.Motorin

Институт непрерывного педагогического образования НовГУ, amotorin@yandex.ru

Рассматриваются основные предания о Крещении Руси. Раскрывается значение этих преданий для воспитания народного самосознания в духе представлений о русском государстве как мировой державе и оплоте Православия.

Ключевые слова: *народные предания, просвещение, воспитание, Православие, Крещение Руси*

The basic legends of the Baptizing of Rus are considered in the article. The importance of these legends for the education of the national consciousness in the spirit of ideas about the Russian State as a world power and the stronghold of the Orthodoxy is exposed.

Keywords: *folk legends, education, Orthodoxy, Baptism of Rus*

Бытие любого народа определяется преданиями, объясняющими весь ход его жизни и хранящими в народной памяти все самое важное. Главные, то есть народообразующие предания повествуют о зарождении веры как основного способа народного миропонимания. Вера народа питает его духовное самосознание, его понимание бесконечности бытия и его волю к жизни из рода в род с устремлением в вечность. Вера — особый, сверхсознательный (сверхчувственный и сверхрассудочный) способ соприкосновения человека с Истиной — с тем, что «верно», истинно. Вера требуется при постижении неохватной бесконечности бытия, а значит и при создании всякого целостного мирозерцания. Вера в древние предания, как и вера вообще, есть «уповаемых извещение, вещей обличение невидимых», по словам апостола Павла (Евр. 11:1). Это извещение, то есть непрестанное подтверждение веры через раскрытие все новых тайн, осуществляется на всех уровнях восприятия: от бытового до научного и художественного, включая, конечно, и собственно вероисповедное. Именно вера объясняет существование Бога (или богов в язычестве), а также возникновение мира, человека, отдельных народов и каждого данного народа, исповедующего данную веру.

Народ не может полноценно существовать без государственности как способа самозащиты и осуществления своей веры и своей воли. Народообразующие предания обязательно становятся и государствообразующими.

Достоинство любого народного предания определяется его древностью и достоверностью — двумя взаимообусловленными качествами. Древность свидетельствует о духовной силе народа, способного поддерживать и воспроизводить свое самосознание в череде поколений. Достоверность является исходным основанием для возрастающей древности. В предании не должно быть ничего, вызывающего неразрешимые сомнения, которые могли бы подорвать саму веру как начало и основу предания.

Подлинные народные предания всегда служат становлению целостного народного мировосприятия, всегда содержат откровения о бесконечной тайне бытия, а это выражается, в частности, в восприятии и описании чудес. Чудесная сторона преданий по сути своей не подлежит рассудочному научному осмыслению и может вызвать на уровне рассудка лишь надуманные искусственные сомнения, бессильные поколебать достоверность предания, покоящуюся на доверии к свидетельствам предков. При здоровом состоя-

нии народного сознания такие сомнения, привносимые обычно противниками данного народа, способствуют лишь укреплению преданий, развитию защитных утвердительных доказательств, поиску новых положительных свидетельств. Всякое подлинное предание обладает устойчивостью против рассудочной критики и обрастает в течении веков внушительным сводом письменных и вещественных подтверждений, развитой системой ссылок на его содержание в научных, художественных, вероучительных произведениях.

В жизни каждого христианского народа общая сокровищница преданий обязательно венчается повествованиями о Крещении народа. На Руси такие повествования запечатлелись в новгородских и киевских летописях, а в наиболее обобщенном, выверенном и утвержденном властью виде — в «Повести временных лет».

В русской истории сложилось триединое предание о Крещении, или Просвещении, народа чередой усилий, начатых святым апостолом Андреем Первозванным, продолженных святой равноапостольной княгиней Ольгой и славно увенчанных святым равноапостольным князем Владимиром. Эти предания отражены в «Повести временных лет» и в последствии — в эпоху российской империи — они стали повествовательной основой для учреждения трех важных государственных наград: Ордена Святого апостола Андрея Первозванного (учрежден Петром I в 1698 году в качестве первой и высшей награды в российской империи; восстановлен как высшая награда Российской Федерации), Ордена Святого равноапостольного князя Владимира (учрежден Екатериной II в 1782 году) и Знака отличия Святой равноапостольной княгини Ольги (учрежден Николаем II в 1916 году; эта награда приравнивалась по достоинству к ордену). Кроме того, в 1988 году в ознаменование 1000-летия Крещения Руси в Русской Православной Церкви был учрежден женский Орден Святой равноапостольной княгини Ольги. На Украине в настоящее время есть женский Орден княгини Ольги.

Кроме трех основных преданий о Крещении Руси существует еще свидетельство о том, что примерно за век до святой Ольги от Византии приняли крещение Аскольд и Дир, правители Киева — тогда еще небольшого «градка» [1] на Днепре. Однако это предание сохранилось только в поздней Никоновской летописи, составленной в XVI веке. В «Повести временных лет» говорится лишь о бесславном походе Аскольда и Дира на Константинополь в 6374 (866) году: русский флот был почти полностью уничтожен бурей, чудесно возникшей, когда патриарх, царь и все жители столицы с молитвой опустили в море край ризы Пресвятой Богородицы. Поднявшаяся буря «безбожных Руси корабли смяте» (13). В Никоновской летописи под 6384 (876) годом сообщается, что лишь спустя десять лет Аскольд и Дир запросили из Константинополя архиерея и крестились, но при этом кощунственно искушали Бога, требуя знамения: «Хощемъ, да ввержеши святое Евангелие во огонь, иже учит Христова словеса, да аще не згоритъ, будемъ христиане» (407). Знамение было дано, и таин-

ство совершилось, но суть события не вписывалась в общий строй победоносной русской историософии Крещения.

Три основных русских предания о Крещении создают образ всемирного величия Руси как нового оплота Православия.

Самое древнее предание внушает мысль об особой богоизбранности и некоторой «первозванности» русского народа благодаря сквозному, идущему с юга на север — вплоть до Новгорода — Крещению Руси апостолом Андреем Первозванным. Эта мысль стала прочным основанием всей многовековой государственной историософии России как православной державы. Летописец находит выразительные слова для передачи потрясающих просторов новообращаемой страны. Апостол двигался из Синопа через Понт (Черное море), крымский греческий Херсонес (Корсунь по-славянски), далее вверх по Днепру. Очередную остановку он сделал на пустынных тогда береговых «горах», где воздвиг с молитвою крест, предсказал возникновение здесь великого города и благословил сие место, «иде же послеже бысть Киевъ» (9). Далее апостол по реке Ловоти добрался до озера Ильменя и живших там словен («идеже ныне Новгородъ»), конечно, благословил и просветил, а между делом удивился их обычаю мыться в банях: «како ся мыють и хвощются» (9). Те словене жили еще в некоем старом городе (видимо, Словенске или Славянске) по отношению к возникшему позже на том же месте «новому» — Новгороду. Далее апостол продвигался по Волхову, Ладоге, Неве, «Варяжьскому» (Балтийскому) морю и каким-то не проясненным в подробностях путем вернулся в Рим, где «исповеда, елико научи и елико виде» (9).

Когда Петр Первый учредил орден апостола Андрея Первозванного с начертанными на его обратной стороне словами: «За веру и верность», то тем самым была отмечена самая суть народообразующей и государствообразующей силы данного предания. Крещение от самого апостола Андрея резко повышает достоинство русского народа среди прочих христианских: ведь это именно «Первозванный» апостол, которого Христос первым призвал за Собой и который уже потом привел ко Господу своего брата Петра, чье апостольское служение особо чтимо у западных христиан.

К настоящему времени собрано и систематизировано много византийских и древнерусских свидетельств о Просвещении (Крещении) Руси апостолом Андреем [2].

Между тем, западная историография (и прозаическая часть историографии русской) в течение трех веков пытается оспорить саму достоверность предания. Логика простая: летописное свидетельство является сравнительно поздней вставкой, сделанной при Владимире Мономахе из политических соображений. Никаких особых доказательств не приводится. Обращают внимание на одно, по мнению критиков, разительное противоречие, заключенное в самом тексте «Повести временных лет», где дважды почти дословно повторяется мысль о том, что на Руси (а точнее, в Киеве) апостолы не бывали и не просвещали эту зем-

лю. Сначала под 6491 (983) годом при повествовании о попытке язычников-киевлян принести в жертву сына варяга-христианина говорится: «сде бо не суть апостоли учили» (39). Потом под 6496 (988) годом при рассказе о всенародном крещении киевлян в водах Днепра говорится тоже самое: «сде не суть ученья апостольска» (53). Академик Д.С.Лихачев попытался защитить истинность летописного свидетельства о хождении апостола Андрея через Русь таким рассуждением: «<...> апостол Андрей, согласно “Повести временных лет” только проезжает через Русь в Рим, но проповеди не ведет» (462). Звучит неубедительно, ибо целью всех апостольских путешествий было именно просвещение, крещение народов — на то и дан был апостолам дар говорения на разных языках. Если же вникнуть в смысл летописного повествования, все проясняется: в обоих случаях слова об отсутствии апостольской проповеди в Киеве — это выдержка из пространной прямой речи самого «дьявола», отца лжи. Злой дух надеялся, что в этом месте, не освященном апостольским просвещением, ему будет всегда спокойно жить. Причем касательно просвещения лукавый оказался на удивление правдив: ведь согласно летописи апостол Андрей действительно не проповедовал в Киеве, ибо в то время место сие было пустынно и безлюдно. Апостол лишь предсказал его будущее процветание. А вот с приильменскими словенами, предками новгородцев, он уже явно общался. Так бес оказался честнее и точнее западных и прозападных историографов, принявших в качестве довода речь от лукавого, да к тому же исказивших ее смысл прямой подменой Киева на всю Русь. Между тем, чтобы опровергнуть лукавую речь даже относительно Киева, сам летописец возражает дьяволу: «Аще и телом апостоли не суть zde были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселеней в церквахъ» (39).

Для подкрепления веры русского народа в его особое христианское призвание «Повесть временных лет» приводит под 6406 (898) годом свидетельство и рассуждение о косвенном духовном Крещении русских славян в составе нераздельного древнего общеславянского единства — от самого апостола Павла, одного из двух (наряду с Петром) апостолов, почитаемых Церковью в качестве «Первоверховных»: «В Моравы бо ходилъ и апостолъ Павелъ учил ту; <...> ту бо беша словене первое. Темъ же и словенъску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павелъ <...>. А словенъский языкъ и руский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене» (16).

Если от апостола Павла Крещение Руси совершилось по духу и языку, то от апостола Андрея — по духу, языку и месту проживания (русской земле).

Летопись сопоставляет и различает русское и западное христианство: Западу покровительствует Первоверховный Петр, а Руси — его Первозванный брат Андрей и Первоверховный Павел.

В предании о крещении и просветительской деятельности святой равноапостольной княгини Ольги бросается в глаза ее стремление на государственном уровне возвысить свою просвещаемую страну

над Византией. Смирненно принимая около 6463 (955) года таинство Крещения от патриарха Второго Рима, святая Ольга на межгосударственном уровне ведет себя снисходительно и победоносно. Она с изысканным изяществом отвергает брачное предложение знаменитого императора Константина Багрянородного. Чтобы добиться своего крещения, Ольга соглашается стать супругой царя уже после совершения таинства, но при этом просит его стать своим крестным отцом и затем ловит на совершенной ошибке: «Како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею?» (29). На что просвещенному императору осталось только ответить: «Переключкала мя еси, Ольга» (30). Вернувшись в отечество, святая Ольга еще раз показала «царю греческому» свое превосходство. Когда царь через посла напомнил ей: «Много дарихъ тя. Ты бо глаголаша ко мне, яко аще возвращаюся в Русь, многи дары прислю ти», — княгиня ответила, что дары даст, если сам царь явится к ней и будет так же долго ждать встречи, как ей пришлось ожидать в Константинополе.

О трудах святой княгини по Крещению Руси «Повесть временных лет» говорит скупое, но с выразительной подробностью: ей все не удавалось обратить своего сына Святослава, однако тот не мешал ей просвещать других и только посмеивался: «Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославом и учаешь и мати креститися, и не бжеаше того ни во уши примати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому» (30). Сам же не крестился из боязни недопонимания с дружиной: «А дружина моа сему смеяться начнут» (30). Ольга возражала ему: «Аще ты крестишися, вси имуть тоже створити» (30). «Он же не послуша матере» (30). Но именно в духе такого убеждения Ольга смогла воспитать своего юного внука, сына Святославова Владимира, который и крестил Русь вполне успешно, показав личный пример прежде всего своей дружине.

Говоря о преставлении блаженной Ольги, летописец под 6477 (969) годом сравнивает ее просветительскую деятельность с утренней зарей русского христианства: «Си бысть предотекущая крестьянстей земли, аки деньница пред солнцем и аки зоря пред светом» (32). Повествуя о преставлении в 6523 (1015) году ее внука — святого равноапостольного великого князя Владимира, автор «Повести временных лет» под этим годом так говорит о его заслугах: «Се есть новый Константинъ великого Рима, иже крестився сам и люди своя» (58). Именно так с тех пор Русь и мыслила себя: новым «великим Римом», не менее, а пожалуй, и более достойным звания мировой столицы, нежели Константинополь — прежний «новый Рим», как называли от времен основания столицу Восточной Римской империи, впоследствии Византии. Во времена сына святого Владимира — святого благоверного великого князя Ярослава Мудрого — митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» создал яркий обобщающий образ Руси как средоточия мироздания: она «ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли» [3]. Крещение добавило внешнему мирскому могуществу страны таинственную и священную власть римской державы, избран-

ной Христом в качестве места своего земного рождения и потому божественно освященной («яко Господь в римскую власть написася» [4], — отметил позднее, в начале XVI века старец Филофей, проповедник зрелого учения о Руси как Третьем и последнем Риме).

Решив принять Крещение для себя и народа от православной Византии, святой Владимир всячески утверждал достоинство и превосходство своей державы. Сначала он завоевывает знаменитый древнегреческий город Херсонес (Корсунь), ставший оплотом Византии в Крыму. Описывая захват, летописец отмечает одну мистическую символическую подробность: город пал, когда Владимир перекрыл тайный водопровод и тем отвел напоявшую осажденных воду. В виду того, что выше летописец приводит обращение ко Владимиру рассуждение греческого философа о символике воды Крещения, отвод воды от осажденного города, в котором князь наметил креститься, становится символом перенаправления токов божественной благодати от Византии к Руси, тем более, что Владимир, когда узнал о возможности отклонения водотока, дал обет, «воззревъ на небо»: «Аще се ся сбудетъ, и самъ ся крещу» (50). Когда же это сбылось, русский князь, добиваясь крещения от Византии, стал возвышать свою державу еще больше, а именно, потребовал от византийских императоров-соправителей, братьев Василия и Константина, себе в жены их сестру Анну. Когда же крещение в присутствии прибывшей Анны свершилось, новообращенный князь милостиво возвращает Херсонес Византии в качестве приданого за невесту, а с собою в Киев забирает церковные символические дары, среди которых наиболее ценным была честная глава от мощей священномученика Климента, папы римского — ученика апостола Петра и его преемника на римской кафедре. И это был еще один знак возраставшего римского достоинства русской державы.

Для чуткого мистического восприятия знаменательной была и символика имен. Владимир во святом крещении получил имя Василия, означающее в переводе «царский» и соответствующее смыслу его славянского имени («владеющий миром»). Крещение он принял от Византии при соправлении императоров Василия и Константина. Двойное созвучие имени Василия знаменовало распространение царского имперского достоинства с Византии на Русь, а имя Константина (в переводе с латинского — «твердого, постоянного, крепкого»), будучи соответствием имени Роман (с латинского — «крепкий, твердый» и «римский», то есть «романский») опять же усиливало внимание к римско-державному взаимодействию между Византией как Вторым, или Новым, Римом и Русью как еще одним Новым (впоследствии — Третьим) Римом. Чтобы подчеркнуть эту мистически неслучайную, свышеданную игру имен, летописец и называет преставившегося из времени в вечность святого князя Владимира-Василия «новым Константином великого Рима» (58). Имя византийской царевны Анны, ставшей женой святого Владимира, также оказалось мистически знаменательным: в переводе с еврейского оно означает «благодать» и указывает, таким образом, на распространение божественной бла-

годати Крещения в просвещаемой Руси.

Предания о Крещении Руси необходимо всемерно и многообразно освещать и осмыслять во всех областях русской духовной, культурной жизни: в исповедании веры, в искусстве, науке, но особенно — в народном просвещении на всех его уровнях. Возвращение этих преданий в область просвещения (путем усложняющегося повторения на каждой возрастной ступени) высвободит скрытые в них воспитательные возможности и будет способствовать восстановлению и укреплению исторической памяти народа, усилению народного духа.

1. Повесть временных лет. СПб.: Наука, 2007. С. 13. Далее ссылки на это издание приводятся вслед за выдержками с указанием страниц в круглых скобках.
2. В частности, см.: Макарий, митрополит. История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Кн.1. Отд. 1. Гл. 1; Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1909—1912. Т. 2. Ч. 1. С. 49-50; Повесть временных лет: В 2 ч. М.; Л., 1950. Ч. 2. Приложение, статьи и комментарии Д.С.Лихачева. С. 218; Лихачев Д.С. Русские летописи в их культурно-историческом значении. М.; Л., 1947. С. 170-171; Миссионерские путешествия святого апостола Андрея. Часть 1-2 / Беседа с Георгием Александру, автором книги «Воздвигший крест во льдах» [Электр. ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/1932.htm> (дата обращения 15.01.2016); Бурега Владимир. Освещение миссионерской деятельности апостола Андрея Первозванного в российской церковно-исторической науке [Электр. ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/061212170435.htm> (дата обращения 15.01.2016); Шкаровский М.В. Святой апостол Андрей Первозванный в исторической и церковной традиции на северо-западе России. 21 января 2010 [Электр. ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/print/564114.html> (дата обращения 15.01.2016); Солнцев Николай. Апостол Андрей Первозванный — просветитель земли Русской. 13.12.2013 [Электр. ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/66668.htm> (дата обращения 15.01.2016).
3. Памятники литературы Древней Руси: XVII в. Кн. 3. М., 1994. С. 591.
4. Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 448.

References

1. Povest' vremennyh let [Tale of Bygone Years]. Saint Petersburg, 2007, p. 13. Further this source is marked with numbers of pages in a round brackets.
2. Makarij, mitropolit. Istorija Russkoj Cerkvi [History of Russian Church]. Moscow, 1994. Vol.1, ottd. 1, gl. 1; Vasil'evskij V.G. Trudy [Works]. Saint Petersburg, 1909—1912. Vol. 2, Ch. 1, pp. 49-50; Povest' vremennyh let: V 2 ch [Tale of Bygone Years in 2 parts]. Moscow; Leningrad, 1950. Ch. 2, p. 218; Lihachev D.S. Russkie letopisi v ih kul'turno-istoricheskom znachenii [Russian chronicles as a cultural and historical phenomenon]. Moscow; Leningrad, 1947, pp. 170-171; Missionerskie puteshestvija svjatogo apostola Andreja [Missionary journeys of St. Andrew.]. Chast' 1-2 / Beseda s Georgiem Aleksandru, avtorom knigi «Vozdvigshij krest vo l'dah» [Conversation with George Alexander, author of the book "Who brought the cross to ice?"]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/put/1932.htm> (accessed 15.01.2016); Burega Vladimir. Osveshchenie missionerskoj dejatel'nosti apostola Andreja Pervozvannogo v rossijskoj cerkovno-istoricheskoi nauke [Missionary work of St. Andrew in the Russian Church and historical science]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/put/061212170435.htm> (accessed 15.01.2016); Shkarovskij M.V. Svjatoj apostol Andrej Pervozvannyj v istoricheskoi i cerkovnoj tradicii na severo-zapade Rossii. 21 janvarja 2010

[Holy Apostle Andrew in historical and church tradition in North-West Russia]. Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/print/564114.html> (accessed 15.01.2016); Solncev Nikolaj. Apostol Andrej Pervozvannyj — prosvetitel' zemli Russkoj. 13.12.2013 [Apostle Andrew, the educator of the Russian land.]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/put/66668.htm> (accessed 15.01.2016).

3. Pamjatniki literatury Drevnej Rusi: XVII v [Monuments of literature of ancient Russia: 17th century]. Kn. 3. Moscow, 1994, p. 591.
4. Pamjatniki literatury drevnej Rusi: Konec XV — pervaja polovina XVI v [Monuments of literature of ancient Russia: end of the 15th - the first half of the 16th century.]. Moscow, 1984, p. 448.